

ЗАРУБЕЖНАЯ ШКОЛА

ПОЛИТИКА КНР В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КНР

Надточей Илья Васильевич, аспирант кафедры философии Московского педагогического государственного университета

 nadto4ei@yandex.ru

Образовательная политика властей КНР, направленная на инкорпорирование тюркоговорящего мусульманского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района в общую динамику происходящих в КНР социально-экономических преобразований, самими уйгурами воспринимается как политика «ханизации», уничтожающая национальную культуру и идентичность. Совокупность происходящих в сфере образования СУАР процессов становится сегодня одним из факторов, способствующих эскалации сепаратистских настроений в самом западном регионе Китая, расположенном в непосредственной близости от границ нестабильных государств Центральной Азии.

Ключевые слова: Синьцзян-Уйгурский автономный район, сепаратизм, билингвальное обучение, политика в сфере образования, уйгурский язык.

Расположенный в самом сердце древнего Шелкового пути, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая сегодня также, как и 3000 лет назад является местом пересечения и соединения культур и цивилизаций, тюркской исламской Азии и бурно развивающегося коммунистического Китая. Современный Синьцзян – это приблизительно 1/6 часть общей территории КНР, регион заселен смешанным населением, большая часть которого – это тюркские народы, исторически проживавшие на этих территориях (собственно, уйгуры, казахи, киргизы, монголы), а другая – это китайцы хань, доля которых в населении региона начала стремительно расти во второй половине XX века. Автохтонные народы Синьцзяна (прежде всего, уйгуры) составляют приблизительно 2/5 от общего числа мусульман, проживающих на территории КНР, особое положение этих народов, а также значимость самого региона для Китая и Центральной Азии в целом слишком велики для того, чтобы не замечать проблем региона, расположенного в непосредственной близости от границ нестабильных государств Центральной Азии.

Тема данной статьи - ситуация в системе образования в СУАР как фактор эскалации напряженности – вплетена в комплекс других глубинных противоречий и проблем, совокупность которых представляет грозный вызов политической стабильности и устойчивому развитию китайского Синь-

цзяна. Хотелось бы сказать несколько слов о тех проблемах, одним из ответов на вызовы которых и явилась современная политика КНР в сфере образования. Дело в том, что Синьцзян – это не только геополитическая болевая точка на карте Центральной Азии. Политическая стабильность и спокойствие внутри СУАР жизненно необходимы для Китая по целому ряду причин, в числе которых не только стратегически важное для экономики Китая географическое положение, возможность выхода на рынки Центральной Азии для сбыта продукции, доступ к богатейшим углеводородным запасам Центральной Азии и Прикаспия, необходимый для развития экономики Поднебесной (помимо этого, сама по себе территория Синьцзяна богата залежами углеводородов)[1]. Урегулирование межэтнического конфликта (между автохтонным населением, прежде всего, уйгурами, и увеличивающим свое присутствие в районе ханьским населением) внутри Синьцзяна необходимо КНР как для купирования угроз территориальной целостности страны, так и для хеджирования потенциальных вызовов региональной нестабильности, исходящих, в первую очередь, от соседних государств Центральной Азии. Помимо жестких силовых методов борьбы с силами «трех зол», для стабилизации ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе руководство КНР активно использует экономические рычаги. При непосредственной поддержке Пекина активно развивается экономика Синьцзяна. В свое время Ли Деджу, глава Китайской Государственной Комиссии по делам межнациональных отношений, обозначила 5 важнейших аспектов межнациональных отношений на Западе Китая. Основная идея госпрограммы КНР сводится к тому, что лишь путем развития территорий и повышения уровня жизни национальных меньшинств, китайские власти сумеют убедить народ окраин пойти «дорогой строительства социализма с китайской спецификой», что предотвратит риск эскалации сепаратизма на этих территориях[2]. Для повышения уровня жизни коренных народов Запада Китая 17 июня 1999-го года в КНР объявила о начале Программы развития Западного Китая. В рамках программы предполагается инвестирование порядка 12 миллиардов долларов в экономику СУАР. Объем инвестиций властей КНР в провинцию позволяет говорить о модернизации региона, до уровня, продиктованного уровнем проникновения глобализации. В целом политика Развития Западного Китая предполагает форсированное развитие инфраструктуры западных провинций, в том числе развитие транспорта, энергетики и коммуникаций, привлечение инвестиций в эти регионы. Однако, стремительное развитие Синьцзяна, которое происходит в рамках реализации программы Развития Западного Китая, порождает ситуацию, когда коренное тюркское население Синьцзяна чувствует себя отесняемым массовым переселением китайцев хань. Нужно понимать, что массовая миграция ханьцев – это не только политическая воля, направленная на усиление влияния Пекина в регионе, способ навсегда «привязать» мятежный регион к Поднебесной – во многом, увеличение числа ханьского населения в СУАР мера вынужденная, обусловленная рядом объективных обстоятельств. Наличие огромных запасов природных ресурсов в недрах

СУАР обуславливает необходимость освоения этих богатств. Это требует большого количества квалифицированных специалистов, однако, среди коренного населения региона (80% которого заняты в сфере сельского хозяйства) высококлассных специалистов немного, а возможности для оперативной подготовки специалистов непосредственно внутри СУАР пока ограничены (не в последнюю очередь благодаря существующим на уровне системы образования проблемам), потому большую часть работающих на добывающих и инфраструктурных предприятиях СУАРа составляют выходы из центральных и восточных провинций Китая [3].

Ситуация, в которой Синьцзян переживает экономический бум, а главными бенефициарами бурного экономического роста становятся, в основном, приехавшие в район из других провинций Китая ханьцы, порождает еще большую маргинализацию коренного уйгурского населения. А потому одна из главных задач руководства КНР на пути стабилизации обстановки внутри СУАР заключается в максимальной интеграции неханьского населения СУАР в хозяйственную жизнь региона, во встраивании этих слоев населения в общекитайскую структуру социально-экономических преобразований, адаптации к динамичным условиям развития китайской экономики. Но и здесь есть ряд барьеров, которые необходимо преодолеть, одна из ключевых проблем – вопрос языка. Для эффективной интеграции уйгурам и другим национальным меньшинствам необходим свободный уровень владения путунхуа. Однако, по оценкам ряда специалистов, еще 30 лет назад, в начале 1980-ых годов, лишь 10% населения СУАР знали китайский язык[4]. Совершенно справедливо, что решение комплексных проблем СУАР было начато с модернизации системы образования, на протяжении 2000-ых активно увеличивалась роль билингвального компонента в обучении национальных меньшинств. Однако, увеличение использования путунхуа в процессе образования сами уйгуры воспринимают как «ханизацию» образования, как угрозу своей национальной идентичности, что замыкает цепь региональных противоречий, усиливая социальную напряженность в обществе, способствует эскалации сепаратистских настроений.

Ситуация в сфере образования СУАР и связанной с ней языковой политики развивается следующим образом. Четвертая по счету и ныне действующая Конституция Китайской Народной Республики закрепляет право граждан КНР на образование, Закон также закрепляет обязательный и всеобщий характер образования для граждан КНР. Кроме того, в соответствии с Конституцией, в КНР на государственном уровне закреплено использование путунхуа как языка межнационального общения. Вместе с тем, в соответствии с Конституцией КНР, каждая этническая группа, проживающая на территории КНР, имеет право использовать и развивать собственный язык [5]. Помимо Конституции, важным нормативно-правовым документом, регламентирующим базовые права граждан в сфере образования в КНР, является принятый в 1986 году Закон об образовании, в котором закреплён обязательный характер всеобщего начального образования на всей терри-

тории КНР. Согласно Закону об образовании КНР (статья 12) китайский язык, как в письменной, так и в устной его формах, должен быть основным устным и письменным языком, используемым в образовательном процессе в школах и университетах, но школы и университеты, большинство слушателей которых составляют представители национальных меньшинств, могут использовать в образовании родной язык большинства слушателей или местный язык [6]. Результатом политики разрешения использования национальных языков в процессе образования стало разделение школ СУАР на два основных типа (существует зависимость типа школ от национального и языкового разнообразия населения, проживающего в районах). Первый тип – это школы, где обучение ведется на языках национальных меньшинств (среди таких школ – уйгурские). Второй тип школ – ханьские школы, в которых обучение ведется на путунхуа. Существуют также смешанные тип школ, их количество сильно сократилось после «культурной революции» в КНР, но в конце 90-ых именно этот тип школ развивается наиболее стремительными темпами. В зависимости от того, какой тип школ окончили учащиеся а также от того, какой язык использовался для преподавания, выпускники школ СУАР делятся на три группы:

Minkaomin – школьники-некитайцы (дети из семей нацменьшинств), обучавшиеся в национальных школах на одном из национальных языков (наибольшее количество национальных школ – уйгурские, но есть также и казахские, киргизские, монгольские и сибские). Как правило, выбор школы обусловлен демографическим составом местности проживания конкретной семьи, а также особенностями межкультурных коммуникаций в отдельных районах. В целом же тенденция такова, что большинство наименее представленных народностей в СУАР, таких как миао, дунгане, русские, как правило, выбирают ханьские (minkaohan) школы. Однако, достаточно редко, но возможны ситуации школьников hankaomin – дети ханьцев, обучающиеся в национальных школах[7]. По мере того, как происходил экономический бум в СУАР, все больше уйгурских семей делали выбор в пользу того, чтобы их дети учились в китайских школах. В первую очередь, это обусловлено необходимостью продвижения по социальной лестнице, для которого в Китае необходимо знание мандарина. Характерно, что еще совсем недавно в уйгурских семьях была распространена практика, когда родители посылали сыновей учиться в китайские школы, а дочерей – в местные, уйгурские или казахские. Но и эта ситуация вызывала значительный уровень недовольства в среде местного населения, поскольку подобная практика приводила к увеличению разрыва между женщинами и мужчинами, ситуации существования «потолка» для социальной мобильности женщин в обществе – проблему острую, даже несмотря на исламскую специфику региона.

Второй вид выпускников школ СУАР -Minkaohan – школьники-некитайцы, языком обучения которых был путунхуа – иными словами, дети уйгуров и других народностей, закончившие ханьские школы. Надо сказать, что практика школ minkaohan была популярной еще до начала актив-

ного развития модели билингвального образования. Один из факторов, который еще сильнее усугубляет и без того непростую лингвистическую ситуацию в СУАР, обуславливая выбор родителей-уйгуров именно в пользу школ *minkaohan* - это определенный уровень недоверия, который существует у уйгуров по отношению к родному языку. Дело в том, что сложная история дипломатических отношений КНР с другими странами сыграла злую шутку с уйгурским языком. Традиционно уйгурская письменность основывалась на арабской вязи, несколько измененной. После прихода к власти в Китае коммунистов, арабская вязь в уйгурской письменности была заменена на кириллицу, однако, после похолоданий в отношениях с Советским Союзом в 1958 году, кириллицу заменили на латиницу. Как отмечают Тодд Рид и Диана Рашке, латиница не пользовалась популярностью среди уйгуров, а в 1980-е, после смерти Мао, ее вновь было решено заменить на традиционную вязь. В результате этих изменений сложилась ситуация, когда несколько поколений уйгуров, владеют различными нормами письменного языка, а люди, которые учились грамоте в 50-60-е, обучены письменности, которая вышла из употребления. Этот исторический факт является серьезным поводом недоверия к родному языку среди уйгуров, которые стоят перед выбором, в какую школу отдать своих детей. Кроме того, подобная ситуация затрудняет межличностные коммуникации, увеличивая социальный разрыв между поколениями[8]. Характерной особенностью современного уйгурского общества, которая иллюстрирует сложный характер будоражащих его проблем, является неформальное внутреннее разделение уйгуров на тех, кто учился в китайских школах и тех, кто предпочел обучение на уйгурском языке. Не без иронии выпускников школ *min kao han* часто называют «четырнадцатой национальностью» - по официальной статистике на территории СУАР проживают представители 13 национальностей – однако, закончившие школы и хорошо говорящие на путунхуа уйгуры постепенно примеряются к динамично развивающемуся ханьскому образу жизни, все дальше отдаляясь от языка и культуры предков. Активно используя в повседневной речи китайский, уйгуры уже не достигают уровня совершенства во владении родным языком. По мере того, как такая тенденция становится все более массовой, выбивание из повседневного обихода уйгурского языка начинает вызывать все большее беспокойство самих уйгуров [9].

Третья группа школьников СУАР - *hankaohan* – ханьцы, закончившие собственно китайские школы (образование на китайском). В качестве иностранного языка в ханьских школах СУАР преподается английский язык [7].

Сегодня практически все национальные школы СУАР используют модель билингвального обучения. Изначально программа билингвального образования была разработана для внедрения в средней школе (1999 год), а одним из главных аргументов в пользу ее реализации стала ситуация, когда выпускники колледжей и университетов из некитайских семей зачастую сталкивались с проблемами при поиске работы из-за недостаточного уров-

ня владения путунхуа. Предполагалось, что внедрив путунхуа в качестве обязательного предмета в средней школе, удастся создать комфортные условия для дальнейшей подготовки специалистов на следующей ступени образования на путунхуа. На практике оказалось, что введения билингвального образования на этапе средней школы недостаточно, а потому в систему билингвального обучения была включена ступень начальной школы, чуть позже добавился и дошкольной подготовки [7]. В современном виде билингвальная программа образования, согласно которой путунхуа становится языком обучения, а родные языки национальных меньшинств изучаются как общеобразовательные предметы, была предложена региональным комитетом образования Синьцзяна в 2002 году. Начиная с 2005 года использование китайского в процессе обучения стало обязательным. О своей поддержке новой билингвальной модели руководство синьцзянского отделения КПК заявило в 2004, а уже с 2007 года в старших классах средней школы в Урумчи (столица СУАР) все дисциплины преподаются на путунхуа, исключением является уйгурский язык [7]. В первые годы после утверждения программы ее реализация шла довольно медленно. Связано это было с тем, что во многих сельских районах Синьцзяна наблюдался дефицит преподавателей с хорошим знанием китайского, а по тому языки меньшинств, прежде всего, уйгурский, по-прежнему активно использовались в процессе обучения. Руководству КНР пришлось искать выход из ситуации: запускать специальные программы по изучению китайского для педагогов, а также стимулировать приток китайоязычных преподавателей в СУАР из внутренних и восточных провинций КНР. Начиная с 2007 года начала работать масштабная программа переподготовки учителей СУАР, помимо этого, в школы СУАР на работу активно начали привлекаться специалисты с хорошим китайским [10]. На сегодняшний день ситуация в сфере образования такова, что стандарты билингвального обучения для национальных школ достаточно стремительно меняются, что постепенно приводит к ситуации практически полного отказа от местных языков как языков преподавания общеобразовательных дисциплин, что в свою очередь, порождает серьезную озабоченность и недовольство уйгуров относительно будущего их родного языка и культуры. Если традиционная модель билингвального обучения отдавала приоритет обучению на национальном языке, а изучению путунхуа отводилось лишь 4-5 учебных часов в неделю, то новая модель, получившая развитие в начале 2000-ых, предполагает уже создание большого количества экспериментальных билингвальных классов как в ханьских, так и в национальных школах, а также создание специальных билингвальных школ. И эта новая билингвальная модель уже предполагает преподавание физики, математики, химии, биологии на путунхуа, а национального языка, идеологии и морали, истории, географии на уйгурском (или другом, в зависимости от типа школы) [7].

Еще одна «проблемная тема», тесно связанная с системой образования и вызывающая серьезное недовольство среди уйгуров – это тема религиозного образования и воспитания уйгурской молодежи. В Китае за-

прещена пропаганда религии среди учащихся, запрещено включение элементов религиозного образования в программы школьных курсов, запрещены лекции на религиозную тематику и многое другое[8].

Востоковед и социолог Т. Грус в своем исследовании приводит материалы интервью с уйгурскими студентами, как утверждают многие из них, руководство школ и вузов следит за тем, чтобы школьники и студенты не посещали религиозные праздники, тем же, кто пойман за посещением мечетей грозит исключение[11]. Автору этих строк не раз приходилось слышать истории (от источников, которым вполне можно доверять), когда учителей школ в СУАР в обязательном порядке прикрепляли к мечетям следить за тем, чтобы уйгурские школьники не могли посещать молитвы. Таким образом, руководство КНР полностью блокирует доступ учащихся к религии. Вместе с тем, процесс обучения в Китае – и для школ Синьцзяна это справедливо в той же мере, как и для школ внутренних и западных провинций - включает в себя важный аспект политического воспитания. Так, например, во всех школьных программах СУАР утверждены планы, согласно которым школьники района должны сдать экзамен по китайской истории Синьцзяна [12]. Характерным примером, который в некоторой степени описывает «болезненность» темы преподавания истории для уйгуров и других национальных меньшинств может стать выпущенный властями КНР в 2003 году доклад, посвященный истории и развитию Синьцзяна. Доклад создал прецедент для полемики и вызвал достаточно шумную дискуссию в среде уйгурской интеллигенции. Вступление доклада содержало в себе строчку, которая нарочито подчеркивала историческую общность и единение китайской государственности и Восточного Туркестана: «Со времен Западной династии Хань (206 до н.э. - 24 н.э.), Синьцзян был неотделимой частью мультиэтничной китайской нации», - говорится в докладе [13]. В качестве опровергающего официальную «пекинскую» точку зрения аргумента, подтверждающего тезис о самобытности Синьцзяна, его отличии от китайской цивилизацией, сторонники независимости региона часто приводят суждение о том, что в переводе с китайского «Синьцзян» означает «новая территория», - территория, на которую Китай не заявлял своих прав до 18 века, Синьцзян стал частью Китая лишь в конце XIX века. А эпизоды существования двух восточнотуркестанских республик – в 1931-1934 и в 1944-1949 примеры независимости, имевшие место в прошлом [8]. Естественно, эти вопросы на уроках истории в школах Синьцзяна обсуждаются в полном соответствии с официальной идеологией.

Бурное экономическое развитие Синьцзяна формулирует качественно новые условия жизни в районе, с которыми вынуждены считаться и партийное руководство КПК, и рядовые уйгуры. Но если для Пекинского руководства стремительный экономический рост в Синьцзяне, который особенно хорошо виден на примере Урумчи, – это предмет особой гордости, то для местного населения это скорее символ национального унижения, символ попрания интересов уйгуров, а бенефициарами всего этого они видят китайцы хань. Исследователи из Института Центральной Азии и

Кавказа при Университете Джона Хопкинса Грэхам Фюллер и Фредерик Старр в работе «Проблема Синьцзяна» так и сформулировали суть противоречий, характеризующих конфликтный потенциал этого региона: «Суть «Проблемы Синьцзяна» состоит в том, что экономическое развитие воспринимается многими активными частями местного населения как игра с нулевой суммой, в которой они не просто проигрывают, но и проигрывая, лишаются культуры и привычного уклада, но и лишаются своей идентичности» [14]. Несмотря на активное продвижение путунхуа в школах Синьцзяна, на современном этапе внутри района по-прежнему сохраняется большое количество проблем и противоречий. И даже экспансия китайского языка и образования в уйгурские школы пока не стала желаемой панацеей в решении проблем региона. Многие уйгуры, получившие образование на китайском языке (шаг, на который многие идут вынужденно, в стремлении обеспечить более высокий уровень жизни для своих детей) жалуются на то, что они оказались в ситуации, когда они превратились в чужих среди своих и так и не еще не стали своими среди ханьцев. Как отмечают многие уйгуры, как бы хорошо они не говорили по-китайски, в глазах ханьцев они всегда будут уйгурами. А это значит, что даже такой социальный лифт, как образование, полученное на китайском языке, все равно не позволит этим людям подняться по социальной лестнице выше определенного уровня. В то же время, получившие образование на китайском, уже в не знают родного, уйгурского языка на достаточном уровне, хуже разбираются в культуре и истории родного народа, что осложняет социальную коммуникацию для таких людей, и в своей среде зачастую на них смотрят свысока [15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Xinhua News Agency, “China’s Xinjiang Sees 48Mln Tons of Oil and Gas Output in 2008,” February 2, 2009, электронный ресурс: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-192957597.html>, цитата по Todd Reed J., Raschke Diana, The ETIM, China’s Islamic militants and the Global Terrorist Threat, Greenwood, Santa Barbara, 2010, p.10
2. Tyler Christian Wild West China: the Taming of Xinjiang. Rutgers University Press, New Jersey. 2004, p.207
3. Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. – Дайк-Пресс, 2003 электронный ресурс: http://www.ca-c.org/journal/10-1997/st_14_siroegkin.shtml.
4. Sun Hongkai. Theorizing Over 40 Years Personal Experiences With The Creation And Development Of Minority Writing Systems Of China // Language Policy in the People’s Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004, p.179-201
5. Текст Конституции КНР, Глава II, Статья 46, электронный ресурс <http://english.peopledaily.com.cn/constitution/constitution.html>
6. Министерство образования Китайской Народной Республики, 2007 электронный ресурс: http://www.moe.edu.cn/english/planning_n.htm

7. Ma Rong, The development of minority education and the practice of bilingual education in Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Translated by Zhang Lin from Beijing Daxue Jiaoyu Pinglun (Peking University Education Review), 2008, p.204-207, 219-224
8. Todd Reed J., Raschke Diana, The ETIM, China's Islamic militants and the Global Terrorist Threat, Greenwood, Santa Barbara, 2010, p.21-36
9. Benson Linda. 2004. "Education and Social Mobility among Minority Populations," in Xinjiang: China's Muslim Borderland. By Frederick Starr, New York: M.E. Sharpe, pp. 190-215
10. Strawbridge David The Challenges of Bilingual Education in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region People's Republic of China, электронный ресурс:
http://www.seameo.org/_ld2008/documents/presentation_document/strawbridge_xinjiang_challenges_of_bilingual_education.pdf
11. Grose Timothy A Educating Xinjiang's uighurs: achieving success or creating unrest, University of Virginia . Education in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, электронный ресурс:
<http://ns2.tabletgear.net/view.php?id=892685>
12. Mackerras Colin, "Xinjiang at the Turn of the Century: The Causes of Separatism," Central Asian Survey 20, no. 3 (2001): 299,
<http://www.ingentaconnect.com>
13. History and Development of Xinjiang, Information Office of the State Council, May 2003, Beijing <http://www.china.org.cn/e-white/20030526/foreword.html>
14. E. Fuller Graham, Starr S. Frederick, The Xinjiang problem, Central Asia-Caucasus Institute, p.7
15. Robles Paloma, Uyghurs face an education dilemma, Asia Times, oct.6, 2009, электронный ресурс:
<http://www.atimes.com/atimes/China/KJ06Ad01.html>